

Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмитт

Тимофей Дмитриев*

Аннотация. В статье рассмотрен спор двух выдающихся политических мыслителей XX в. Карла Шмитта и Лео Штрауса об основах политического. Показано, как критика либерализма и защита самостоятельности и безусловности политического Карлом Шмиттом радикализуется Лео Штраусом за счет обнаружения протолиберальных элементов в политическом учении Томаса Гоббса и реактуализации понятия человеческой природы и *status naturalis* в «Заметках о „Понятии политического“» Штрауса. Особое внимание в статье уделено доказательству того, что публикация «Заметок» знаменует собой поворотный пункт в философской эволюции Лео Штрауса, поскольку критика шмиттовской критики либерализма стала важнейшим моментом, подтолкнувшим Штрауса к мысли о необходимости выхода за пределы мышления эпохи модерна и возврата к классическому взгляду на политику.

Ключевые слова. История политической философии, политическое, тотальное государство, критика либерализма, культура, теолого-политическая проблема, Штраус, Шмитт, Майер, Гоббс.

Выход в свет русского перевода книги немецкого политического философа Хайнриха Майера «Карл Шмитт, Лео Штраус и „Понятие политического“» (Майер, 2012) дает хороший повод вернуться к вопросу об основах политического, ставшего предметом заочного спора двух выдающихся европейских мыслителей 80 лет тому назад. В то же самое время этот спор, как мы увидим в дальнейшем, позволяет снова поставить на повестку дня проблему отношения политического и теологического в эпоху модерна, которая занимает особое место в интеллектуальном наследии этих двух авторов.

История эта начинается в 1927 г., когда Шмитт, в ту пору — один из ведущих правоведов Веймарской республики, публикует в журнале «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» первую редакцию своего «Понятия политического» (Schmitt, 1927). Она находит свое продолжение в 1932 г., когда Штраус, тогда еще молодой и начинающий историк политической мысли, пишет и публикует свои «Замечания на „Понятие политического“» (Strauss, 1932). Эти замечания оказываются столь уместными и дельными — *sachlich*, как говорят сами немцы, — что Шмитт не только внимательно знакомится с ними, но и тщательнейшим образом, как показывает Майер в сво-

* Дмитриев Тимофей Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре факультета философии НИУ ВШЭ. Email: t-dmitriev@yandex.ru

© Дмитриев Т. А., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

ем исследовании, переписывает третью (1933) редакцию «Понятия политического» с учетом замечаний, высказанных Штраусом в его рецензии (Майер, 2012: 13–18). «Это единственный труд, — пишет Майер о «Понятии политического», — на страницах которого Шмитт реагирует на критику методом красноречивых вычеркиваний, дополнений и новых формулировок. Только в случае „Понятия политического“ Шмитт ведет открыто-потенный, подразумевающий тщательную ревизию собственного текста диалог с интерпретатором. Партнером в диалоге выступает автор „Замечаний“ Лео Штраус» (Майер, 2012: 15–16). Так завязывается заочный спор между двумя первоклассными умами, а вызванный им резонанс нет-нет да и дает о себе знать в ходе современных дискуссий, посвященных переосмыслению понятия политического в политической мысли XX века¹.

В чем заключается суть заочного спора Шмитта и Штрауса по поводу оснований политического в трактовке Хайнриха Майера? В своем исследовании критики Штраусом «Понятия политического» Шмитта Хайнрих Майер обращает особое внимание на предположение Штрауса, что главная интенция Шмитта в его критике либерализма заключается в его желании отстоять серьезность жизни против попыток либерализма свести все к экономике и развлечениям. Более того, Майер утверждает, что в конечном счете расхождение между Штраусом и Шмиттом заключается в том, искать ли оправдания серьезности жизни в политической теологии (Шмитт) или в классической политической философии (Штраус). Развитию и доказательству этого тезиса по сути дела посвящена книга Майера.

Как показывает Майер, Шмитт начинает борьбу за понятие политического — речь идет о первой редакции текста, относящейся к 1927 г., — из оборонительной позиции. Он стремится утвердить политическое как самостоятельную область наряду с теми, автономия которых признается систематикой либерального «политического» мышления: экономической, этической, культурной. Для того чтобы добиться этой цели, Шмитт прибегает к риторике «чистой политики», утверждающей главенствующую роль и самостоятельность политического. «Вопреки отрицанию политического со стороны „удивительной последовательной и, несмотря на видимые неудачи, и сегодня абсолютно господствующей систематики либерального мышления“ (I, 29), — пишет Майер о Шмитте, — он пытается сделать значимой „бытийственную объективность и самостоятельность политического“ (I, 5). В качестве оборонительного можно расценить его стремление добиться для политического такого признания, на которое претендует „всякая самостоятельная область“ (I, 3, 4) и которое либерализм не отрицает за „другими“ (областями) (I, 29, 30). Оборонительным является его утверждение, что специфическое для „области политического“ различие друга и врага могло бы „иметь теоретический и практический смысл без ссылок на моральные, эстетические, экономические или иные различия“ (I, 4). Наконец, оборонительным является и тот ответ, который Шмитт дает на вопрос об определении политического врага: он „именно иной, чужой“» (Майер, 2012: 27).

1. Обзор современных споров вокруг «Понятия политического» Шмитта см. в: Strong, 2007.

По словам Майера, риторика «чистой политики» в первом (1927) издании «Понятия политического» давала Шмитту двойное политическое преимущество. «Она помогает в особенно интенсивном смысле отстаивать свою собственную „чисто политическую позицию“ от нападков „нормативной“ и в то же время атаковать нормативные „злоупотребления“ и „вмешательства“ в область „чистой политики“ с самоочевидным превосходством морального негодования. Враг, который занимается политикой и рядится при этом в „неполитические и даже антиполитические“ одежды, погрешает против честности и прозрачности чистой политики» (Майер, 2012: 29).

В то же самое время риторика «чистой политики» в первом издании «Понятия политического» не была лишена и недостатков, главный из которых заключался в сведении политического к внешнеполитическому, а внутривнутриполитического — к полиции (Майер, 2012: 30–31). Согласно риторике «чистой политики», война представляет собой вооруженную борьбу между народами; именно они являются истинными субъектами политики. Будучи оформленными в политические единства, они образуют «плюриверсум» политического мира. Более того, о гражданской войне как о значимом факторе политического XX в. в первом издании пока нет еще речи. Правда, узость такого понимания политического становится очевидной для Шмитта уже в конце 1920-х гг. в связи с выходом на первый план в его размышлениях феномена «тотального государства», для которого характерно тесное взаимопроникновение государства и общества. «Возможность „тотального государства“, — пишет Майер, — усиливает внимание к „потенциальному всеприсутствию“ политического, и она дает возможность разбить либерализм на его собственном поле, во внутренней политике» (Майер, 2012: 34). Внутривнутриполитическое больше нельзя было уложить в прокрустово ложе полицейских мероприятий не только потому, что события первых десятилетий XX в. наглядно доказали верность тезиса Ленина о том, что этому веку суждено было стать веком войн и революций, принимающих по всему земному шару форму гражданских войн и выводящих на авансцену политического новых субъектов — тоталитарные партии и движения, партизан и террористов и т. д., но и потому, что «тотальное государство» больше уже не могло держаться принципа *laissez-faire* и довольствоваться ролью «ночного сторожа» при частнокапиталистическом хозяйстве. В работе «Хранитель конституции» Шмитт писал по этому поводу: «В любом современном государстве отношение государства к хозяйству образует подлинный предмет непосредственно актуальных внутривнутриполитических вопросов. На них уже невозможно отвечать посредством старого либерального принципа невмешательства, абсолютного не-интервенционизма» (Schmitt, 1931: 81).

Иными словами, отождествление государства с политическим становится неправомерным в свете того исторического развития, которое суверенное рациональное государство европейского типа проделало в современную эпоху. Шмитт объясняет это тем, что в XX в. на смену «нейтральному» государству XIX в., которое, как выражается Шмитт в другой своей работе, «царствует, но не правит» (Шмитт, 2000 [1922]: 11), приходит «тотальное» государство. Как подчеркивает Шмитт, развитие идет от абсолютистского государства XVIII в. через нейтральное государство XIX в. к тоталь-

ному государству XX в. Этот новый тип государства характеризуется тем, что в нем не остается ни одной сферы общественной жизни, которая в той или иной степени не испытала бы на себе воздействия государства. Иными словами, в условиях массовых демократий XX века, когда государство и общество пронизывают друг друга, государство утрачивает монополию на политическое. Вследствие этого современное «тотальное государство» оборачивает вспять процесс деполитизации, на котором основывается либеральное понимание политики: «Уравнение „государственное = политическое“, — пишет Шмитт, — становится неправильным и начинает вводить в заблуждение, чем больше государство и общество начинают пронизывать друг друга: все вопросы, прежде бывшие государственными, становятся общественными, и наоборот: все дела, прежде бывшие „лишь“ общественными, становятся государственными, как это необходимым образом происходит при демократическим образом организованном общественном устройстве. Тогда области, прежде „нейтральные“ — религия, культура, образование, хозяйство, — перестают быть нейтральными в смысле не-государственными и не-политическими. В качестве полемического контрпонятия против таких нейтрализаций и деполитизаций важных предметных областей выступает *тотальное* государство тождества государства и общества, не безучастное ни к какой предметной области, потенциально всякую предметную область захватывающее. Вследствие этого в нем *все*, по меньшей мере в возможности, политично, и отсылка к государству более не в состоянии обосновать специфический различительный признак „политического“» (Шмитт, 1992 [1932]: 38).

Возможность нового определения сущности политического Шмитт ищет на пути построения новой систематики политических категорий. По его словам, политическое имеет свои собственные предельные критерии, отличные от критериев, действующих в других, относительно самостоятельных областях человеческого мышления и действия. В области морали таковыми являются «доброе» и «злое», в области эстетического — «прекрасное» и «безобразное», в области хозяйства — «полезное» и «вредное». В свою очередь, «специфически политическое различение, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различение *друга* и *врага*. Оно дает определение понятия через критерий, а не исчерпывающую дефиницию или сообщение его содержания. Поскольку оно невыводимо из иных критериев, для политического оно аналогично относительно самостоятельным критериям других противоположностей: доброму и злему в моральном; прекрасному и безобразному в эстетическом и т. д. Во всяком случае, оно самостоятельно не в том смысле, что тут собственная новая предметная область, но в том, что оно не может быть ни обосновано на одной из иных указанных противоположностей или же на ряде их, ни быть к ним сведено» (Шмитт, 1992 [1932]: 40). Правда, одновременно Шмитт отрицает однородность этого критерия с различениями добра и зла в «области морали», прекрасного и безобразного «в эстетической области», полезного и вредного в «экономической области» и подчеркивает, что применительно к политическому речь не идет о «новой предметной области» наряду и наравне со всеми остальными (Майер, 2012: 20–21).

Что касается толкования тезиса о том, что политическое следует выделять по градации групп людей на друзей и врагов, то оно претерпело определенные изменения. В издании 1927 г. Шмитт использовал критерий разделения на друзей и врагов для того, чтобы обосновать относительную автономность политического в отличие от всех прочих предметных делений общественной жизни. На это, в частности, указывает его замечание о том, что введение в политику моральных и эстетических критериев способствует девальвации политического и затемняет чистоту политической перспективы, которая конституируется делением на друзей и врагов. В более поздних изданиях он склоняется к несколько иной точке зрения, согласно которой любой конфликт может стать политическим, если только он достигнет такой степени интенсивности, когда индивиды начнут объединяться в группы по признаку «друзья» — «враги». Иными словами, в более поздних редакциях «Понятия политического» для Шмитта политическое — это не столько автономная сфера человеческого мышления и действия, структурированная согласно соответствующему признаку, сколько высшая степень интенсивности конфликтов, возникающих между людьми, предельной точкой которых является борьба не на жизнь, а на смерть.

Таким образом, «чистая политика» во втором издании «Понятия политического» (1932) преодолевается Шмиттом концепцией интенсивности политического, согласно которой «смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации; это различие может существовать теоретически и практически, независимо от того, используются ли одновременно все эти моральные, эстетические, экономические или иные различия. Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно иметь с ним дела. Он есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором „непричастного“ и потому „беспристрастного“ третьего» (Шмитт, 1992 [1932]: 40).

Формулировки первой редакции «Понятия политического» (1927) в той части, касающейся «крайнего случая», в котором выявляется, кто есть настоящий «враг», оставляли без внимания политический статус таких «крайних ситуаций», как революция и гражданская война, в которых спорным как раз и является вопрос о том, кто имеет право принимать обязывающие решения о делении на «друзей» и «врагов». Как показывает Майер, изменения, внесенные Шмиттом в издание 1932 г., имели своей целью дать такую характеристику понятия политического, которая позволила бы охватить и эти «крайние случаи» (Майер, 2012: 32–34). Заменив понятие политического как автономной предметной области на понятие политического, конституируемого степенью интенсивности ассоциации и диссоциации на группы друзей и врагов, Шмитт смог по-новому осмыслить понятие врага и благодаря этому включить в свой анализ политического такие события, как революции, гражданские и религиозные

войны. Вовсе не случайно эти изменения в тексте «Понятия политического» приходятся на 1932–1933 гг., отмеченные приближающимся крахом Веймарской республики и приходом к власти национал-социалистов. Как справедливо замечает по этому поводу Майер, модель интенсивности принимает в расчет возможности, предоставляемые подъемом «тотального государства» для борьбы с либерализмом. Если в 1927 г. Шмитт борется за политическое с оборонительных позиций, то в 1932 г. он переходит в наступление. «В 1932 году „чистая политика“ относится к прошлому. Гражданская война упоминается наряду с межгосударственной войной. Внутренняя политика оттесняет внешнюю политику, причем Шмитт вводит вспомогательную конструкцию, чтобы обеспечить для политического *внутри* государства по меньшей мере ограниченное пространство по ту сторону уравнивания политики и полиции и избежать размывания политического в гражданской войне» (Майер, 2012: 36).

Однако, как отмечает Майер, «хотя Шмитт преодолевает своей концепцией интенсивности „чистую политику“, он ни в коем случае не желает отказываться от преимуществ и достоинств своей прежней риторики» (Майер, 2012: 37). Следы этой риторики Майер усматривает в утверждении Шмитта, что политика, как и война, может быть политикой в большей или меньшей степени, причем «высшими мгновениями большой политики» являются те, когда «враг в конкретной четкости прозревается как враг» (Шмитт, 1992 [1932]: 61). В глазах Шмитта для политики сохраняет значимость то, что он ранее установил в отношении войны: она может, в зависимости от степени вражды, быть политикой в *большей* или *меньшей* мере. Поэтому в качестве политического «в главенствующем смысле» Шмитт выделяет такую степень интенсивности вражды, которая проявляет себя в мгновениях, «в которые *враг четко усматривается*, в которые он познается как отрицание собственной сущности, собственного предназначения, в которые, нераздельно с этим, устанавливается *собственная идентичность*, обретая видимый гештальт» (Майер, 2012: 38–39).

Спор Шмитта с либерализмом по поводу понятия политического представляет собой отправную точку и для критических заметок Лео Штрауса. «Шмитт начинает спор с либерализмом во имя политического, и ведет его ради религии» (Майер, 2012: 41) — это суждение Майера с полным правом можно использовать в качестве путеводной нити предложенной им интерпретации спора между Шмиттом и Штраусом по поводу основ политического. Под воздействием критики Штрауса «шмиттовская критика либерализма выливается в критику, названную Лео Штраусом *en plaine connaissance de cause* критикой „философии культуры“; „один крест“ „философии культуры“ Штраус именуется „поистине крестом религии“, другой ее крест называет „поистине крестом политического“. То и другое, религия и факт политического, идут наперекор разделению человеческой жизни на „автономные культурные провинции“. И то и другое ставит под вопрос „культуру“ как „суверенное творчество“ или „чистое воспитание“ человеческого духа, то и другое подчиняет человеческую экзистенцию закону и заповеди авторитета» (Майер, 2012: 41–42).

В своей рецензии на «Понятие политического» Штраус отмечает, что работа Шмитта посвящена вопросу о «порядке человеческих вещей», то есть «вопросу

о государстве» (Штраус, 2012 [1932]: 111). Поскольку национальное государство в современную эпоху переживает серьезный кризис в силу того, что оно перестало быть главным носителем суверенитета и высшей инстанцией политического, постановка вопроса о государстве требует четкого выяснения того, что является его основой, т. е. исследования политического.

Отсюда следует, что тезис о том, что политическое выступает основой государства, не является вечной истиной; напротив, он выражает дух времени и представляет собой современную истину, отражающую ту конкретную ситуацию, в которой государство и политическое оказались в XX в. Как подчеркивает Шмитт, современная ситуация характеризуется тем, что трехсотлетний процесс развития национального государства подошел к своему концу. Современная эпоха — это «эпоха нейтрализаций и деполитизаций». Более того, как утверждает Штраус, «деполитизация не является только случайным или же необходимым результатом современного развития, а представляет собой его настоящую и изначальную цель; движение, в ходе которого современный дух обрел свою высшую действенность, движение либерализма, можно охарактеризовать именно отрицанием политического. И если либерализм стал отныне чем-то сомнительным, то ему нужно противопоставить „другую систему“, во всяком случае, первым словом против либерализма будет: *позиция политического*» (Штраус, 2012 [1932]: 112).

Поэтому, по словам Штрауса, в «Понятии политического» Шмитт выступает с особого рода требованием — с требованием «искренности и откровенности в отношении политического», которых так не хватает либерализму. «Задача Шмитта, — пишет Штраус, — определяется фактом краха либерализма. С этим крахом дело обстоит следующим образом: либерализм отверг политическое; но тем самым он не покончил с ним, а лишь замаскировал его; он привел к тому, что посредством антиполитической фразеологии... продолжают заниматься политикой. Итак, либерализм убил не политическое, но лишь понимание политического, искренность и откровенность в отношении политического. Чтобы развеять напущенный либерализмом туман вокруг действительности, нужно выдвинуть и утвердить политическое как таковое и безусловно неоспоримое» (Штраус, 2012 [1932]: 112–113). Соглашается Штраус со Шмиттом и в том, что главное заключается в том, чтобы заменить «систематику либерального мышления» «другой системой», а именно такой, которая «не отрицает политическое, а признает его» (Штраус 2012 [1932]: 113).

Проблема, однако, заключается в том, что, как признает сам Шмитт, «систематика либерального мышления» «сегодня в Европе еще не заменена никакой другой системой», а потому и попытки Шмитта в противоположность либерализму и принятой последним стратегии деполитизации утвердить политическое как первичное и безусловно неоспоримое наряду с антилиберальным пафосом отмечены печатью либерального мышления. Штраус показывает это на примере отношения Шмитта к Гоббсу и его концепции политического. По мнению Штрауса, критика Шмиттом либерализма не является последовательной; Шмитт не видит того, что именно Гоббс, на которого он ссылается, пытаясь отстоять и «утвердить политическое как таковое и

безусловно неоспоримое» (Штраус, 2012 [1932]: 113), является истинным «основателем либерализма» и «творцом идеала цивилизации» (Штраус, 2012 [1932]: 122).

В центре критики либерализма Шмитта, равно как и замечаний Штрауса по поводу этой критики стояло характерное для либерального мышления понятие «культура», предполагающее функциональную дифференциацию общества модерна на автономные предметные сферы политики, экономики, культуры и религии, а самой сферы культуры — на самостоятельные области науки, морали и права и искусства (Майер, 2012: 19–25). В «Понятии политического» Шмитт поставил себе задачу определить, в чем заключается своеобразие политического. Обычно ответ на этот вопрос сводился к поиску рода, внутри которого следовало определять своеобразие политического. Однако Шмитт высказывает глубокое подозрение по поводу напрашивающегося сегодня ответа о специфике феномена политического. «Несмотря на все возражения, — комментирует Штраус позицию Шмитта, — до сих пор актуален собственно либеральный ответ на вопрос о роде, внутри которого следует определять своеобразие политического и тем самым государства, звучащий так: этот род — „культура“, то есть „тотальность человеческого мышления и действия“, которая членится на „различные, относительно самостоятельные предметные области“ (26), „культурные провинции“ (Наторп)» (Штраус, 2012 [1932]: 114–115). Согласно систематике либерального мышления, родом, внутри которого следовало определять своеобразие политического, была «культура». В этом случае политическое понималось как одна из предметных областей культуры наряду с другими (моральной, эстетической, экономической) предметными областями человеческого мышления и действия. Однако и Шмитт, и Штраус считали это определение политического неверным, поскольку оно не признавало своеобразия политического и вело к деполитизации человеческой жизни. Поэтому критика либерального понятия культуры была столь же принципиально необходимой в глазах Штрауса, как и в глазах Шмитта.

В своих «Замечаниях» Штраус пронизательно отмечает возрастающую неудовлетворенность Шмитта на рубеже 1920–1930-х гг. современным понятием культуры, которая находит свое выражение в отказе от концепции самостоятельных областей, в том числе области политического и в той редакторской правке, которой Шмитт подверг свой доклад 1929 г. «Эпоха деполитизаций и нейтрализаций» при новой публикации. Однако он идет еще дальше Шмитта и строит свою критику концептуализации понятия политического не только на критике господствующего либерального понятия культуры, как это делает Шмитт, но и на критике идеи автономного положения культуры в обществе модерна. Здесь в семантическую борьбу вступают такие фундаментальные категории мышления модерна, как «культура» и «природа». По словам Майера, критикуя Шмитта, Штраус «делает решающий шаг за пределы „намеченной критики“ и придает ей радикальное направление» (Майер, 2012: 43). Он добивается радикализации критики Шмитта за счет того, что выступает против господствующего понятия культуры, согласно которому не только отдельные «культурные провинции» — наука, искусство, а также мораль и право — автономны и равномогущны друг другу, но «„автономна“ сама культура как целое, суверенное творение, чистое

порождение „человеческого духа“» (Штраус, 2012 [1932]: 118). Поскольку либеральная концепция культуры видит в ней «суверенное творение», спонтанно возникающее благодаря усилиям человеческого духа, она упускает из вида то, что культура имеет свои предпосылки и свой подтекст. «Это воззрение забывает, — пишет Штраус, — что „культура“ всегда предполагает то, что культивируется: культура всегда является *культурой природы*» (Штраус, 2012 [1932]: 118).

Правда, довольно скоро выясняется, что природу, и прежде всего природу человека, можно культивировать по-разному. С одной стороны, можно исходить из того, что «культура формирует естественные задатки; она являет собой тщательный уход за природой — не важно, земли или человеческого духа — она именно *повинуется* указаниям, которые дает сама природа» (Штраус, 2012 [1932]: 118). Однако к культивированию природы можно подойти и по-иному: «через подчинение природе покорить природу (*parendo vincere*, по слову Бэкона); тогда культура уже не будет верным следованием природе, но окажется жесткой и хитрой борьбой *против* природы» (Штраус, 2012 [1932]: 118). По мнению Штрауса, к этому второму пониманию культуры как борьбы с природой склоняется и Гоббс, для которого *status civilis*, предполагающее существование общей власти, является непреложной предпосылкой самого существования культуры, основанной на дисциплине человеческой воли. «В духе специфически современного понятия культуры... Гоббс понимал *status civilis*, который является предпосылкой и условием любой культуры в узком смысле (как любое занятие искусствами и науками) и сам уже основан на определенной культуре, а именно на дисциплине человеческой воли как противоположности *status naturalis*» (Штраус, 2012 [1932]: 118–119).

Иными словами, вместо того, чтобы принять первый тип культивации человеческой природы, основанный на «повиновении указаниям, которые дает сама природа» (Штраус, 2012 [1932]: 118), Штраус выступает за другой тип культивации природы человека, который требует как дисциплины человеческой воли, так и господства человека над природой ради его комфортного материального существования. В своей книге «Критика религии Спинозой», опубликованной в том же 1932 г., что и «Заметки», Штраус специально останавливается на вопросе о том, что тип культивирования природы человека, основанный на дисциплине человеческой воли, неизбежно ведет к господству человека над природой. «Физика, — пишет здесь Штраус, излагая основы философии Гоббса, — озабочена счастьем человека, тогда как антропология — страданиями и несчастьями человека. Наибольшее несчастье — это насильственная смерть; счастье заключается в безграничном возрастании власти над людьми и над вещами. Страх насильственной смерти и стремление к господству над вещами — это и есть в основном те два определения волеизъявления, которые Гоббс принимает в качестве законных» (Strauss, 1965 [1932]: 88). Господство над людьми, за которое выступает «антропология», является более «естественным», чем господство над природой, которого требует «физика», поскольку господство над природой на поверку оказывается «жесткой и хитрой борьбой *против* природы» (Штраус, 2012 [1932]: 118). Согласно Штраусу, Гоббс выбирает «физику», а не «антропологию», причем он по-

ступает так для того, чтобы нейтрализовать те черты человеческой природы, которые делают человека «опасным» и «рискованным» существом, и, наоборот, поставить на первый план те черты человеческой природы, которые делают человека способным к воспитанию и цивилизации; речь в данном случае идет прежде всего о разуме как о способности предвосхищать и планировать свое будущее (Strauss, 1965 [1932]: 89–92). Противопоставляя естественному состоянию, которое представляет собой *bellum omnium contra omnes*, идеал цивилизации, основанный на подчинении природы при помощи науки и техники, «Гоббс в нелиберальном мире основывает либерализм» (Штраус, 2012 [1932]: 123).

Как показывает Штраус, разногласия между Шмиттом и Гоббсом по поводу основ политического наиболее рельефно проявляются по вопросу об обязанности гражданина повиноваться приказаниям суверена. Согласно Гоббсу, государство имеет право требовать от индивидуума только *условного* повиновения, т. е. такого, которое не идет вразрез с *безусловным* правом индивидуума на жизнь. «В соответствии с законодательством государство может требовать от индивидуума только *условного* повиновения, а именно такого повиновения, которое не противоречит спасению или сохранению жизни этого индивидуума; ибо безопасность жизни — последнее основание государства. Поэтому человек хотя и обязан безусловно повиноваться, но не ценой своей жизни; ведь смерть является самым большим злом. Гоббс не боится сделать отсюда вывод, фактически означающий отрицание за мужеством добродетельного характера» (Штраус, 2012 [1932]: 123)². Этим понимание политического Гоббсом принципиально отличается от понимания политического Шмиттом, для которого политическое конституируется «„реальной возможностью физического убийства“ людей людьми» (Штраус, 2012 [1932]: 124), а потому сущность политического объединения, по Шмитту, предполагает, что оно может «требовать от тех, кто принадлежит к собственному народу, готовности к смерти» (Шмитт, 1992 [1932]: 49). Превращая обязанность гражданина повиноваться суверену из безусловного в условное, Гоббс расширяет границы субъективной свободы индивидуума, создавая тем самым предпосылки для формирования либерального взгляда на политическое. Иными словами, в то время как Шмитт первоначально не отдавал себе отчета в том, что в силу выбранных им для критики либерализма предпосылок Гоббс является для него не союзником, а, напротив, антиподом в деле утверждения политического как такового

2. Более того, говоря об условном повиновении повелениям суверена — при безусловном стремлении индивидуума к сохранению своей жизни, — Гоббс без колебаний распространяет это положение и на «крайние случаи», которые всегда наиболее интересны для действительно взыскательной политической мысли. Например, если большая масса людей оказала совместно неправильное сопротивление верховной власти или совершила уголовное преступление, за которое каждый из них ожидает смертной казни, то разве они не имеют в этом случае, спрашивает Гоббс, свободы соединиться для взаимной помощи и защиты? «Конечно, имеют, — отвечает он, — ибо они лишь защищают свою жизнь, на что виновный имеет такое же право, как и невиновный. Их предыдущее нарушение своего долга было действительно незаконным, но последовавшее вслед за этим применение оружия хотя и имеет своей целью поддержать то, что ими сделано, однако не является новым незаконным актом. А когда оружие пускается в ход лишь в целях самозащиты, то это вполне законно» (Гоббс, 1991 [1651]: 170).

и безусловно неоспоримого, Штраус делает эти предпосылки явными и тем самым раскрывает непоследовательность позиции Шмитта. Более того, он совершенно справедливо обращает наше внимание на вопрос о том, насколько концепция естественного состояния Гоббса соответствует *status naturalis* человеческой природы. Поэтому, как подчеркивает Штраус, «радикальная критика либерализма возможна только на основе подобающего понимания Гоббса» (Штраус, 2012 [1932]: 142).

Дополнения и исправления, которые Шмитт вносит в издание 1933 года, отражают, как доказывает Майер, серьезное влияние этой критики Штрауса, которое, правда, сам Шмитт не счел необходимым признать публично. Как полагает Майер, критика Штрауса способствовала тому, что в издании 1933 года Шмитт занимает более взвешенную и критическую позицию по отношению к политическому учению Гоббса и более явно обнаруживает свои теолого-политические предпочтения. «Ставя вопросы, выявляя скрытые в концепции Шмитта апории, он (Штраус. — Т. Д.) побуждает Шмитта к ответам, которые должны прояснить его теологическую подоснову. Вызов Штрауса способствует тому, что автор „Понятия политического“ в 1933 году обнаруживает свою теолого-политическую установку более явно, чем в 1927 году или в 1932 году» (Майер, 2012: 64).

Если в изданиях 1927 и 1932 гг. Шмитт говорит о том, что «методологическая связь теологических и политических идейных посылок» ясна, то теперь, в 1933 году, речь уже прямо идет о том, что «политика нуждается в теологии» (Майер, 2012: 68). В 1932 году Шмитт характеризует Гоббса как «великого и поистине систематического политического мыслителя»; в 1933 г. эта характеристика смягчается признанием индивидуализма и протолиберализма Гоббса. В 1932 г. Шмитт соглашается с тем, что мир добрых людей сделает «излишними» теологов и политиков. В 1933 г. он придерживается уже совсем иного мнения: «Теологи и политики никогда не станут *излишними*. Их экзистенция сама собою не устранилась. Их нужно исключить, побороть, устранить» (Майер, 2012: 69). В итоге Шмитт, согласно Майеру, приходит к следующему выводу: «В конце концов, политика нуждается в теологии не для осуществления некоей цели, а для обоснования своей необходимости. Вера является неприступным бастионом политического» (Майер, 2012: 69). Именно в этом пункте, по мнению Майера, политическая теология как основа политического выступает у Шмитта на первый план, поскольку дело здесь идет о «единственно важном случае», необходимом для конституирования политического, а такой «единственно важный случай — это борьба с провиденциальным врагом, с врагом, определяемым „исторически-конкретно“ в мгновения большой политики: против него, в конце концов, в конце времен нужно будет сражаться в „решающей битве“» (Майер, 2012: 71).

Майер полагает, что враг для Шмитта является орудием Провидения, что без врага в мире невозможно представить себе никакое «серьезное положение дел». «Враг, — говорит Майер, — является для Шмитта гарантом серьезности жизни настолько, что Шмитт скорее желает быть врагом того, у кого нет врагов, чем не иметь врагов» (Майер, 2012: 88). Тем самым Шмитт выходит за границы политического, которое он стремится утвердить как безусловное, к моральному и теологическому. Однако, как тут

же указывает ему Штраус, хороший гражданин вовсе не желает *иметь* врагов; скорее, он желает их *победить*. «Нужно спросить: одобряет ли „борющаяся совокупность людей“ в ситуации опасности, в „серьезном случае“ опасность своего врага? *желает* ли она себе опасных врагов? Ответ на этот вопрос будет отрицательным в духе Гая Фабриция. Услышав о том, что один греческий философ изображает удовольствие наибольшим благом, он воскликнул: „Вот бы и Пирр и самниты придерживались бы того же учения, пока мы с ними воюем!“ Так же и народ в ситуации опасностей желает своей собственной опасности не ради опасности, а ради избавления от угрозы. Итак, одобрение опасности как таковой не имеет политического смысла, но имеет только „нормативный“, моральный смысл; соразмерное ему выражение — это одобрение силы как образующей государство силы, *virtú* в смысле Макиавелли» (Штраус, 2012 [1932]: 129).

Таким образом, как показывает Штраус, Шмитт одобряет политическое, поскольку в ситуации угрозы видит серьезность человеческой жизни. Однако «одобрение политического, в конце концов, есть не что иное, как одобрение морального» (Штраус, 2012 [1932]: 135). Поэтому, как подчеркивает Штраус, «перед радикальной критикой либерализма, к которой стремится Шмитт, встает задача отмены понимания человеческого зла как животного, т. е. невинного „зла“, задача возврата к пониманию человеческого зла как моральной испорченности» (Штраус, 2012 [1932]: 132), т. е. к такому пониманию человеческой природы, которое предшествовало Гоббсу и либерализму.

Сам же Шмитт, в той степени, в какой в построении своего понятия политического он ориентируется на Гоббса, продолжает испытывать влияние либерального мышления. Это проявляется, в частности, в его определении «политического» как находящегося по ту сторону любых нормативных стандартов, как «нейтрального». Однако определяя «политическое» как «нейтральное» относительно норм и идеалов, Шмитт тем самым разделяет предрассудок, характерный для «индивидуалистически-либерального общества». «Моральное» в понимании Шмитта — это всегда «гуманно-моральное»; иными словами, подобно либералам, он отождествляет мораль с *гуманистической моралью*. «А это значит: Шмитт зависит от воззрения на мораль своих противников, вместо того чтобы поставить под вопрос притязание гуманно-пацифистской морали быть моралью; он остается зависимым от воззрений, которые стремится преодолеть» (Штраус, 2012 [1932]: 138). На этом основании Штраус делает вывод, что «начатая Шмиттом критика либерализма только тогда может прийти к завершению, если удастся обрести горизонт по ту сторону либерализма» (Штраус, 2012 [1932]: 142).

Здесь пути наших авторов расходятся в противоположном направлении: Шмитт, который сам называет себя «христианским Эпиметеем» (Schmitt, 1950: 12, 53), остается в рамках историцизма, отличающегося от прочих форм историцизма «своим „цельным знанием“ о смысле и предназначении драмы, движущей мировую историю» (Майер, 2012: 102), тогда как Штраус преодолевает историцизм за счет возвращения к классическому видению политики, т. е. к классическому понятию природы, и прежде всего к классическому видению человеческой природы. Публикация «Заметок»

знаменует собой поворотный пункт в философской эволюции Лео Штрауса. Критика шмиттовской критики либерализма стала важнейшим моментом, подтолкнувшим Штрауса к мысли о необходимости выхода за пределы мышления эпохи модерна и возврата к классическому взгляду на политику, что впервые в целостном виде Штраус осуществил в своей программной работе «Естественное право и история» (Strauss, 1953). Как напишет Штраус в своем носящем автобиографический характер предисловии к публикации книги «Критика религии Спинозой» на английском языке, его работы, созданные и опубликованные до 1932 г., были «основаны на предпосылке, освященной могущественным предрассудком, согласно которой возврат к досовременной философии был невозможен» (Strauss, 1965 [1932]: 30). «Заметки о „Понятии политического“» были первым шагом на пути отхода от этой ошибочной позиции. По словам Штрауса, они представляли собой «первое выражение» «изменения в ориентации», то есть возвращения к классическому взгляду на политическое (Strauss, 1965 [1932]: 31). После публикации «Заметок» возвращение к досовременному мышлению представлялось теперь Штраусу не только не невозможным, но, наоборот, сугубо необходимым. Критика либерализма Карлом Шмиттом стала в глазах Штрауса ярким примером того, что критикуя либерализм, Шмитт все равно остается в плену систематики либерального мышления. В этом заключается ключевой момент критических замечаний Штрауса на «Понятие политического». Признание самостоятельности политического требует замены систематики либерального мышления другой системой. Однако для этого необходимо обрести «горизонт по ту сторону либерализма» (Майер, 2012: 142). Таким горизонтом по ту сторону либерализма для Штрауса становится горизонт классической, или досовременной политической философии и классического естественного права, преодолев который Гоббс заложил основы либерализма. Однако, как считает Штраус, лишь возвращение к классическому пониманию политического может стать той почвой, на которой появится возможность не только обрести новое понимание политического и политической философии, но и найти выход из кризиса Современности³.

В свою очередь, этот поворот Штрауса к досовременным формам морального и правового мышления позволил ему по-новому взглянуть и на политическую философию и ее отношение к политическому. Согласно Штраусу, политическая философия отличается от философии не только своим предметом — природой политических вещей, но и тем способом, который она использует для того, чтобы занять достойное место в политическом сообществе. Для философа мыслить и действовать политически означает принимать во внимание противоположность друзей и врагов, однако у Штрауса эта противоположность принимает иную смысловую нагрузку, нежели у Шмитта. Опасность для философа исходит скорее от политического сообщества как

3. «Вовсе не самозабвенная и болезненная любовь к древности, равно как и не самозабвенный и опьяняющий романтизм, — писал Штраус в работе «Город и человек», — заставляют нас со страстным интересом и ничем не ограниченным желанием учиться обратиться к политической мысли классической древности. Нас вынуждает поступать так кризис нашего времени, кризис Запада» (Strauss, 1978 [1964]: 1).

такового, поскольку его опора на разум и рефлексия приводит к тому, что защитники традиционных устоев видят в нем разрушителя традиционных авторитетов и осквернителя религиозных святынь. Более того, в силу своей эзотеричности философия всегда остается чуждой большинству, и потому в политическом сообществе к ней всегда относятся с подозрением как к источнику возможных неприятностей. Между философией и политическим сообществом, или Городом, как говорили древние, между философом и его согражданами, как знатными, так и не очень, всегда существует возможность не просто непонимания, но конфликта.

По большому счету этот конфликт между философией и политическим сообществом неразрешим, однако философ должен попытаться его смягчить за счет проведения особой философской политики⁴. Философ сознательно вынужден скрывать от одних то, что он открывает для других. Поэтому философ как в своей речи, так и на письме вынужден всегда пользоваться двумя стратегиями: одной — эзотерической, обращенной к реальным и потенциальным друзьям, и второй — экзотерической, призванной сбивать с толку реальных или потенциальных врагов и недоброжелателей. Будучи прекрасно осведомленным о преходящем характере морально-религиозных представлений, философ ограничивает радикальность своей позиции областью умопостигаемого созерцания истины, сочетая его с уважительным отношением к принятым в полисе нравам, обычаям и традициям. «Умеренность, — говорит Штраус, — не относится к числу добродетелей мышления; Платон уподобляет философию безумию, видя в ней прямую противоположность умеренности и рассудительности; мысль должна быть не умеренной, а бесстрашной, если только не сказать бесстыдной. Однако умеренность — это добродетель, которая контролирует речь философа» (Strauss, 1988: 32).

Поступая подобным образом, философ вовсе не ведет себя как закоренелый эгоист или эгоцентрист, поскольку ставкой здесь является не только и не столько сохранение жизни и благополучия самого философа, не желающего повторять судьбу Сократа, но защита права на существование самой философии перед лицом Города и соотечественников. Иными словами, политическая философия пытается оправдать право философии на существование перед трибуналом политического сообщества. Если рассматривать классическую политическую философию с этой точки зрения, то она представляла собой не философское рассмотрение политической жизни, но политическое рассмотрение философии или политическое введение в философию, имевшее своей целью привести всех достойных сограждан от политической жизни к философской жизни. Понимание того, что политика не всемогуща, а конечные цели политического недостижимы в рамках самой политической жизни, но требуют перехода наиболее достойных граждан к философскому образу жизни, составляет смысловое ядро «классического» видения политики⁵. «Не вопреки, а благодаря

4. О «философской политике» как способе смягчения неизбежного конфликта между философией и политическим сообществом: Бенетон, 2002: 35–38; Штраус, 2000: 63–67; Lefort, 2000: 172–178.

5. О «классической» политической философии и ее «классическом» видении политического см., к примеру: Филиппов, 2009: 196–199.

тому, — пишет Майер о «повороте» Штрауса к досовременной, сократической форме политической философии и морали, — что политика не охватывает всё и вера не является всем, политическое и религия заслуживают особого внимания со стороны политической философии. Сколь важное место занимает политическое в мышлении Лео Штрауса, столь же мало его волнует тема врага или вражды. Вражда не затрагивает середину его экзистенции, и его идентичность обретает гештальт не в борьбе с врагами» (Майер, 2012: 106–107). Возможно, это и есть тот урок, на который намекает нам заочный спор об основах политического между двумя великими умами Современности, состоявшийся восемьдесят лет тому назад.

Литература

- Бенетон Ф. (2002). Введение в политическую науку / пер. с франц. М. М. Федоровой. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Гоббс Т. (1991 [1651]). Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. Н. А. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Наука. С. 3–545.
- Майер Х. (2012). Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического» / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.: Скимень.
- Филиппов А. Ф. (2009). Политическая социология: проблема классики // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой и А. В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение. С. 181–209.
- Шмитт К. (2000 [1922]). Политическая теология / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.: Канон-Пресс.
- Шмитт К. (1992 [1932]). Понятие политического / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.
- Штраус Л. (2000). О классической политической философии // Штраус Л. Введение в политическую философию / пер. с англ. М. С. Фетисова. М.: Праксис. С. 50–67.
- Lefort C. (2000). Writing: the political test / tr. D. A. Curtis. Durham: Duke University Press.
- Schmitt C. (1927). Der Begriff des Politischen // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 58. № 1. S. 1–33.
- Schmitt C. (1931). Der Hüter der Verfassung. Berlin: Duncker & Humblot.
- Strauss L. (1932). Anmerkungen zu Carl Schmitt's «Der Begriff des Politischen» // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 67. № 6. S. 732–749.
- Schmitt C. (1950). Ex captivitate salus. Köln: Greven Verlag.
- Strauss L. (1953). Natural right and history. Chicago: University of Chicago Press.
- Strauss L. (1965 [1932]). Spinoza's critique of religion / tr. E. M. Sinclair. New York: Schocken.
- Strauss L. (1978 [1964]). The city and man. Chicago: University of Chicago Press.
- Strauss L. (1988). What is political philosophy? Chicago: University of Chicago Press.
- Strong T. B. (2007). Foreword: dimensions of the new debate around Carl Schmitt // Schmitt C. The concept of political / tr. G. Schwab. Chicago: University of Chicago Press. P. ix–xxxi.